

1001 ночь.

Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском

[Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском, ночи 698-710](#)

[Рассказ о Далиле-Хитрице и Али-Зейбаке каирском, ночи 711-719](#)

Семьсот одиннадцатая ночь

Когда же настала семьсот одиннадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Ахмед-аль-Лакит побежал перед ловкачом Али и показал ему казарму и Али узнал ее, он схватил мальчика и хотел вырвать у него динар, но не смог. И тогда он сказал ему: "Иди, ты заслужил награду, так как ты мальчик острый, с полным разумом и храбрый. Если захочет Аллах, когда я стану начальником у халифа, я сделаю тебя одним из моих молодцов".

И мальчик ушел, а что касается Али-Зейбака каирского, то он подошел к казарме и постучал в ворота, и Ахмед-ад-Данаф сказал: "О надсмотрщик, открой ворота, это стук Али-Зейбака каирского". И надсмотрщик открыл ворота, и Али вошел к Ахмеду-ад-Данафу, и тот приветствовал его и встретил объятиями, и его сорок человек тоже поздоровались с Али; а потом Ахмед-ад-Данаф одел его в роскошную одежду и сказал: "Когда халиф сделал меня у себя начальником, он одел моих молодцов, и я оставил для тебя эту одежду". И затем они посадили Али на почетное место и принесли еду и поели, и принесли напитки и выпили, и пили до утра, и потом Ахмедад-Данаф сказал Али-Зейбаку каирскому: "Берегись ходить по Багдаду, а, напротив, оставайся сидеть в этой казарме". – "Почему? – спросил Али. – Разве я пришел, чтобы запереться? Я пришел только для того, чтобы гулять". – "О дитя мое, – сказал Ахмед-ад-Данаф, – не думай, что Багдад подобен Каиру. Это – Багдад, местопребывание халифа, и в нем много ловкачей, и ловкость растет в нем, как овощи растут на земле".

И Али оставался в казарме три дня, и потом Ахмедад-Данаф сказал Али каирскому: "Я хочу приблизить тебя к халифу, чтобы он назначил тебе жалованье". – "Когда придет время", – ответил Али. И Ахмед оставил его.

И в один из дней Али сидел в казарме, и ждалось у него сердце, и стеснилась его грудь, и он сказал себе: "Пойди пройди по Багдаду, чтобы твоя грудь расправилась".

И он вышел и стал ходить из переулка в переулок и увидел посреди рынка лавку, и вошел туда, и пообедал, и вышел, чтобы вымыть руки, – и вдруг он увидел сорок рабов со стальными мечами и в войлочных куртках, и они ехали по двое, и сзади всех была Далила-Хитрица, которая ехала на муле, и у нее на голове был покрытый золотом шлем со стальным шаром, и была у нее кольчуга и прочее, что подходит к этому.

А Далила ехала из дивана, возвращаясь в хан, и, заметив Али-Зейбака каирского, она всмотрелась в него и увидела, что он похож на Ахмеда-ад-Данафа длиной и шириной, и на нем плащ и бурнус, и у него стальной шлем и прочее в этом роде, и храбрость блещет на нем, свидетельствуя за него, а не против него.

И Далила поехала в хан и свиделась там со своей дочерью Зейнаб и принесла доску с песком, и когда она рассыпала песок, вышло, что имя этому человеку Али каирский и что его счастье превосходит ее счастье и счастье ее дочери Зейнаб.

"О матушка, что тебе явилось, когда ты гадала на этой доске?" – спросила ее Зейнаб. И Далила сказала: "Я видела сегодня юношу, который похож на Ахмеда-ад-Данафа, и боюсь, что он услышит, что ты раздела Ахмеда-ад-Данафа и его молодцов, и придет в хан и сыграет с нами штуку, чтобы отомстить за своего старшего, и отомстит за его сорок приближенных. И я думаю, что он живет в казарме Ахмеда-ад-Данафа". – "Что это такое? сказала ее дочь Зейнаб. – Мне кажется, что ты все о нем обдумала".

И затем она надела самое роскошное из бывших у нее платьев и вышла пройтись по городу; и когда люди ее увидели, они стали в нее влюбляться, а она обещала, и клялась, и слушала, и повергала людей. И так она ходила с рынка на рынок, пока не увидела Али каирского, который подходил к ней, и тогда она толкнула его плечом, и обернулась, и воскликнула: "Да продлит Аллах жизнь людей разумом! Как прекрасен твой образ!" – "Чья ты?" спросил Али. И Зейнаб ответила: "Такого же щеголя, как ты". – "Ты замужняя или незамужняя?" – спросил Али. "Замужняя", – ответила Зейнаб. И Али спросил: "У меня или у тебя?" – "Я дочь купца, – сказала Зейнаб, – и мой муж тоже купец, и я в жизни никуда не выходила раньше сегодняшнего дня. Дело в том, что я состряпала кушанье и решила поесть, но не нашла в себе к этому охоты. А когда я увидела тебя, любовь к тебе запала мне в сердце. Возможно ли, чтобы ты пожелал залечить мое сердце и съел у меня кусочек?" – "Кто приглашает, тому должно внять", – сказал Али. И Зейнаб пошла, и он следовал за нею из переулка в переулок, а потом он сказал себе, идя за ней: "Что ты делаешь? Ты – чужеземец, а в преданиях сказано: "Кто совершит блуд на чужбине, того сделает Аллах обманувшимся". Но отстрани ее от себя мягко".

"Возьми этот динар, и пусть это будет в другое время", – сказал он. И Зейнаб воскликнула: "Клянусь величайшим именем Аллаха, невозможно, чтобы ты не пошел со мной сейчас домой, и я тебе удружу!"

И Али следовал за нею, пока она не пришла к воротам дома с высокими сводами, и засов на воротах был задвинут. "Открой этот засов!" – сказала Зейнаб. И Али спросил: "А где ключ?" – "Пропал", – ответила Зейнаб; и Али сказал: "Всякий, кто открыл засов без ключа, есть преступник, и судье надлежит проучить его, и я не знаю, чем бы открыть его без ключа".

И Зейнаб приподняла с лица изар, и Али посмотрел на нее взглядом, оставившим в нем тысячу вздохов, а затем она накинула изар на засов и произнесла над ним имена матери Мусы, и открыла его без ключа, и пошла, и Али последовал за нею и увидел мечи и оружие из стали.

И Зейнаб сняла изар и села рядом с Али, и тот сказал про себя: "Возьми сполна то, что определил тебе Аллах!" И затем он склонился к ней, чтобы взять поцелуй с ее щеки, но она приложила к щеке руку и сказала: "Нет удовольствия иначе, как ночью!"

И она принесла скатерть с кушаньем и вином, и оба поели и выпили, а потом Зейнаб вышла и, наполнив кувшин водой из колодца, полила ее Али на руки, и тот вымыл их. И когда это было так, Зейнаб вдруг ударила себя по груди и воскликнула: "У моего мужа был перстень с яхонтом, заложенный за пятьсот динаров, и я надела его, и он оказался широк, и я сузила его воском, и когда я опускала ведро, перстень упал в колодец. Ты обернись к двери, а я разденусь и спущусь в колодец, чтобы достать его". – "Стыдно мне, чтобы ты спускалась, когда есть я, – сказал Али. – Никто не спустится, кроме меня".

И он снял с себя одежду и привязался к веревке, и Зейнаб спустила его в колодец. А там было много воды, и Зейнаб сказала ему: "Веревки не хватает, но ты отвяжись и спускайся". И Али отвязался и спустился в воду и погрузился в нее на несколько сажень, но не достал до дна колодца, а что касается Зейнаб, то она надела изар, взяла одежду Али и пошла к своей матери..."

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот двенадцатая ночь

Когда же настала семьсот двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Али каирский спустился в колодец, Зейнаб надела изар, взяла его одежду и пошла к своей матери и сказала ей: "Я раздела Али каирского и бросила его в колодец эмира Хасана, хозяина дома, и не бывать, чтобы он освободился".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Что же касается эмира Хасана, хозяина дома, то он в это время отсутствовал и был в диване, и, придя, он увидел, что его дом открыт, и сказал конюху: "Почему ты не задвинул засов?" – "О господин, я задвинул его своей рукой", – ответил конюх. И тогда эмир воскликнул: "Клянусь жизнью моей головы, в мой дом вошел вор!"

И эмир Хасан вошел и осмотрелся в доме и не увидел никого, и тогда он сказал конюху: "Наполни кувшин, я совершу омовение". И конюх взял ведро и опустил его и потянул – и почувствовал, что оно тяжелое, и тогда он заглянул в колодец и увидел, что в ведре что-то сидит. И он снова бросил ведро в колодец, говоря: "О господин, ко мне вылез ифрит из колодца!" И эмир Хасан сказал ему: "Пойди приведи четырех факихов, которые почитают над ним Коран, чтобы он ушел".

И когда конюх привел факихов, эмир Хасан сказал им: "Встаньте вокруг этого колодца и почитайте над ифритом". А потом пришли раб и конюх и опустили ведро, и Али каирский уцепился за него и спрятался в ведре, и, выждав, пока его подтянут к ним близко, он выпрыгнул из ведра и сел между факихами. И те начали бить друг друга по щекам и кричать: "Ифрит, ифрит!" Но эмир Хасан увидел, что это юноша из людей, и спросил его: "Ты вор?" – "Нет", – отвечал Али. И эмир спросил: "Почему ты спустился в колодец?" – "Я спал и осквернился, – отвечал Али, – и я вышел, чтобы помыться в реке Тигре, и нырнул, и вода затянула меня под землю, так что я вышел из этого колодца". – "Говори правду", – сказал эмир Хасан. И Али рассказал ему обо всем, что случилось, и тогда эмир вывел его из дома в старой одежде.

И Али пошел в казарму Ахмеда-ад-Данафа и рассказал о том, что ему выпало, и Ахмед сказал: "Разве я не говорил тебе, что в Багдаде есть женщины, которые играют штуки с мужчинами?" – "Ради величайшего имени, сказал Али-Катф-аль-Джамаль, – расскажи, как это ты – глава молодцов в Каире – и тебя раздевает женщина?" И Али стало тяжело, и он начал раскаиваться; и Ахмед-ад-Данаф одел его в другую одежду; а потом Хасан-Шуман спросил его: "А ты знаешь эту женщину?" – "Нет", – отвечал Али. И Хасан сказал: "Это Зейнаб, дочь Далилы-Хитрицы, привратницы хана халифа. Разве ты попался в ее сети, о Али?" – "Да", – ответил Али. И Хасан сказал: "О Али, она забрала одежду твоего старшего и одежду всех его молодцов". "Это позор для вас", – сказал Али. И Хасан спросил: "А что ты хочешь?" "Я хочу на ней жениться", – сказал Али. "Не бывать этому! Утешь без нее свою душу!" – воскликнул Хасан. Но Али спросил: "А как мне схитрить, чтобы на ней жениться?" – "Добро тебе пожаловать! Если ты будешь пить из моей руки и пойдешь под моим знаменем, я приведу тебя к тому, чего ты от нее хочешь", – сказал Шуман. "Хорошо", – ответил Али. И Хасан сказал: "О Али, сними с себя одежду!" И Али снял с себя одежду, и Хасан взял котел и вскипятил в нем что-то вроде смолы и намазал ею Али, и тот стал подобен черному рабу. И он намазал ему губы и щеки, и насурьмил ему глаза красной сурьмой, и одел его в одежду слуги, а потом принес скатерть с кебабом и вином и сказал: "В хане есть черный раб-повар, на которого ты стал похож, и ему нужны на рынке только мясо и зелень. Пойди к нему и осторожно заговори словами рабов, и поздоровайся, и скажи: "Давно я не встречался с тобой за бузой!" И он скажет тебе; "Я занят, и у меня на шее сорок рабов, которым я стряпаю на стол к обеду и на стол к ужину, и я кормлю собак, и готовлю скатерть для Далилы и скатерть для ее дочери Зейнаб". А ты скажи ему: "Пойдем поедим кебаба и выпьем бузы", – и приходи с ним в казарму и напои его, а затем спроси его, что он стряпает, из скольких блюд, и спроси про еду для собак, и про ключ от кухни, и про ключ от погреба, и он тебе расскажет, – пьяный ведь расскажет обо всем, что он скрывает в трезвом состоянии; и потом одурмань его банджем, надень его одежду, заткни за пояс ножи, возьми корзину для зелени, пойдти на рынок и купи мяса и зелени. Потом пойдти на кухню и в погреб и состряпай варево, а затем разлей его; возьми кушанье и пойдти с ним к Далиле в хан и положи в кушанье банджа, чтобы одурманить собак, и рабов, и Далилу, и ее дочь Зейнаб; а после того войди в дом и принеси оттуда все одежды. А если хочешь жениться на Зейнаб, принеси с собой сорок птиц, которые носят письма".

И Али вышел, и увидел раба-повара, и поздоровался с ним и сказал: "Давно мы не встречались с тобой за бузой". И повар ответил: "Я занят стряпней для рабов и для собак". И Али взял его и напоил и спросил про кушанье – из скольких оно блюд. И повар ответил: "Каждый день пять блюд на обед и пять блюд на ужин, а вчера они потребовали от меня шестое блюдо – рис с медом, и седьмое блюдо – варево из гранатных зернышек". – "А что это за трапеза, которую ты готовишь?" – спросил Али. И повар сказал: "Я ношу трапезу Зейнаб, а потом ношу трапезу Далиле и кормлю ужином рабов, а затем я даю вечерний корм собакам, и каждой из них я даю мяса вдоволь, а самое меньшее, что им нужно – ритль".

И судьба заставила Али забыть спросить про ключи, и он снял с раба одежду и надел ее сам и, взяв корзину, пошел на рынок и забрал мяса и зелени..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот тринадцатая ночь

Когда же настала семьсот тринадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Али-Зейбак каирский, одурманив банджем раба-повара, взял ножи и засунул их за пояс, а потом он захватил корзину для зелени и пошел на рынок и купил мяса и зелени; и затем он вернулся и вошел в ворота хана и увидел Далилу, которая сидела, всматриваясь во входящего и в выходящего, и увидел, что сорок рабов вооружены. И Али укрепил свое сердце; и когда Далила увидела его, она его узнала и воскликнула: "Ступай обратно, о начальник воров! Или ты будешь устраивать со мной штуки в хане?"

И Али каирский, в образе негра, обернулся к Далиле и сказал ей: "Что ты говоришь, о привратница?" И Далила воскликнула: "Что ты сотворил с рабом-поваром и что ты с ним сделал? Ты его убил или одурманил банджем?" – "Какой раб-повар? Разве здесь есть раб-повар, кроме меня?" – спросил Али. "Ты лжешь, ты – Ализейбак каирский!" – воскликнула старуха. И Али сказал ей на языке рабов: "О привратница, каирцы – белые или черные? Я больше не буду служить". – "Что с тобой, о сын нашего дяди?" – спросили его рабы. И Далила сказала: "Это не сын вашего дяди, это Али-Зейбак каирский, и похоже, что он одурманил сына вашего дяди и убил его". – "Это сын нашего дяди, Сад-Аллах, повар", – сказали рабы. И Далила воскликнула; "Это не сын вашего дяди, это Али каирский, и он выкрасил себе кожу!" – "Кто такой Али? Я Сад-Аллах", – сказал Али. "У меня есть мазь для испытания!" – воскликнула Далила; и она принесла какую-то мазь и намазала ею руку Али и стала ее тереть, но чернота не сошла. И рабы сказали: "Позволь ему пойти готовить нам обед!" – "Если это сын вашего дяди, он будет знать, чего вы требовали от него вчера вечером и сколько он стряпает блюд каждый день", – сказала Далила. И его спросили про блюда и про то, чего требовали вчера вечером, и Али сказал: "Чечевица, рис, суп, тушеное мясо и питье из розовой воды, и шестое блюдо – рис с медом, и седьмое блюдо – гранатные зернышки, а на ужин то же самое". – "Он сказал правду!" – воскликнули рабы. И Далила молвила: "Войдите с ним, и если он узнает кухню и погреб – он сын вашего дяди, а если нет – убейте его".

А повар воспитал кошку, и всякий раз, как он подходил, кошка становилась у дверей кухни, а потом, когда повар входил, вскакивала ему на плечо. И когда Али вошел и кошка увидела его, она вскочила ему на плечо, и Али сбросил ее, и она побежала перед ним в кухню, и Али заметил, что она остановилась перед дверью кухни. И Али взял ключи и увидел один ключ, на котором были остатки перьев, и узнал, что это ключ от кухни, – и тогда он отпер кухню и положил зелень и вышел. И кошка побежала перед ним и направилась к дверям погреба, и Али догадался, что это погреб, и взял ключи. Он увидел один ключ, на котором были следы жира, и понял, что это ключ от погреба, и отпер его.

"О Далила, – сказали рабы, – если бы это был чужой, он бы не знал, где кухня и где погреб, и не узнал бы ключей. Это сын нашего дяди Сад-Аллах". – "Он узнал помещение из-за кошки и отличил ключи один от другого по внешности, но это дело со мной не пройдет!" – воскликнула Далила. А Али вошел на кухню и состряпал кушанья и отнес трапезу Зейнаб и увидел свои одежды у нес в комнате.

А потом он поставил трапезу Далиле и дал пообедать рабам и накормил собак, и во время ужина он сделал то же.

А ворота отпирались и запирались только по солнцу: утром и вечером. И Али вышел и закричал: "О жильцы, рабы не спят и сторожат, и мы спустили собак, и всякий, кто войдет, пусть бранит одного себя".

И Али задержал вечерний корм собак и положил в него яду и потом дал его им; и когда собаки съели его, они околели. И Али одурманил банджем всех рабов, и Далилу, и ее дочь Зейнаб, а потом он поднялся, забрал одежду и почтовых голубей, и отпер хан, и вышел, и пришел в казарму.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Хасан–Шуман увидел его и спросил: "Что ты сделал?" И Али рассказал ему обо всем, что было; и Шуман похвалил его. А потом Али снял с себя одежду, и Шуман вскипятил одну траву и вымыл ею Али – и он стал белым, как был.

И Али пошел к рабу и одел его в его одежду и разбудил его после банджа, и раб поднялся, и пошел к зеленщику, и забрал зелень, и вернулся в хан.

Вот что было с Али–Зейбаком каирским. Что же касается Далилы–Хитрицы, то у нее поселился один купец в числе жильцов, и он вышел из своей комнаты, когда заблестала заря, и увидел, что ворота хана открыты, рабы одурманены, а собаки мертвые. И он вошел к Далиле и увидел, что она тоже одурманена, и на шее у нее бумажка, а возле ее головы он нашел губку с противоядием от банджа. И тогда он приложил губку к ноздрям Далилы, и та очнулась и, очнувшись, сказала: "Где я?" И купец сказал: "Я вышел и увидел, что ворота хана открыты, и увидел, что ты одурманена, и рабы тоже, а что до собак, то я увидел их мертвыми".

И Далила взяла бумажку и увидела на ней надпись: "Сделал это дело не кто иной, как Али каирский", и дала рабам и Зейнаб, своей дочери, понюхать противоядие от банджа и воскликнула: "Не говорила ли я вам, что это Али каирский?" А потом она сказала рабам: "Скрывайте это дело!" И сказала своей дочери: "Сколько раз я тебе говорила, что Али не оставит мести, и он сделал это дело за то, что ты с ним устроила! Он бы мог сделать с тобой и еще кое–что, кроме этого, но ограничился этим, чтобы сохранить милость халифа и желая любви между нами".

И потом Далила сняла одежду молодцов и надела одежду женщин и, повязав платок себе на шею, отправилась в казарму Ахмеда–ад–Данафа. А когда Али пришел в казарму с одеждами и почтовыми голубями, Шуман поднялся и дал надсмотрщику цену сорока голубей, и тот купил их и сварил и разделил между людьми.

И вдруг Далила постучала в ворота, и Ахмед–ад–Данаф сказал: "Это стук Далилы; открой ей, о надсмотрщик!" И надсмотрщик открыл Далиле, и она вошла..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот четырнадцатая ночь

Когда же настала семьсот четырнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда надсмотрщик открыл Далиле ворота казармы, она вошла, и Шуман спросил ее: "Что привело тебя сюда, о злосчастная старуха? Ты заодно с твоим братом, Зурейком–рыбником!" – "О начальник, – сказала старуха, – право против меня, и вот моя шея перед тобой. Но тот молодец, который устроил со мной эту штуку, кто он из вас?" – "Это первый из моих молодцов", – сказал Ахмед–ад–Данаф". И Далила молвила: "Ты – ходатай Аллаха перед ним, чтобы он принес мне голубей для писем и все другое, и считай это милостью мне". – "Аллах да встретит тебя воздаянием, о Али! Зачем ты сварил этих голубей?" – воскликнул Шуман. И Али ответил: "Я не знал, что это голуби для писем". – "О надсмотрщик, – сказал Ахмед, – подай их нам!" И надсмотрщик подал голубей, и Далила взяла кусочек голубя и пожевала его и сказала: "Это не мясо птиц для писем. Я кормлю их зернышками мускуса, и их мясо делается как мускус". "Если ты хочешь получить почтовых голубей, исполни желание Али каирского", – сказал Шуман. "А какое у него желание?" – спросила Далила. И Шуман сказал: "Чтобы ты женила его на твоей дочери Зейнаб". – "Я властна над нею только добром", – сказала Далила. И Хасан сказал Али каирскому: "Отдай ей голубей!" И тот отдал их Далиле.

И Далила взяла их и обрадовалась, и Шуман сказал ей: "Ты непременно должна нам дать ответ удовлетворительный". – "Если он хочет на ней жениться, – сказала Далила, – то та штука, которую он устроил, еще не ловкость. Ловкость лишь в том, чтобы он посватался к ней у ее дяди, начальника Зурейка. Это ее опекун, и он кричит: "Эй, вот ритль рыбы за пару джедидов!" [593] Он повесил у себя в лавке кошель и положил в него золота на две тысячи".

И когда люди услышали, что Далила говорит это, они вскочили и сказали: "Что это за слова, о распутница! Ты просто хочешь лишить нас нашего брата Али каирского!"

Далила ушла от них в хан и сказала своей дочери Зейнаб: "Тебя сватает у меня Али каирский". И Зейнаб обрадовалась, так как она полюбила его за то, что он от нее воздержался, и спросила свою мать, что произошло; и та сказала ей: "Я поставила ему условие, чтобы он посватался за тебя у твоего дяди, и ввергла его в погибель".

Что же касается Али каирского, то он обратился к своим товарищам и спросил: "Что это за Зурейк и кто он такой будет?" И ему сказали: "Он начальник молодцов земли иракской и может чуть что просверлить гору, схватить звезду и снять сурьму с глаз, и нет ему в таких делах равного. Но он раскаялся в этом и открыл лавку рыбника, и скопил рыбной торговлей две тысячи динаров, и положил их в кошель, к которому привязал шелковый шнурок, а на шнурок он навешал мелких колокольчиков и погремешек и привязал шнурок к колышку за дверью лавки, так что соединил его с мешком. И всякий раз, как Зурейк открывает лавку, он вешает кошель и кричит: "Эй, где вы, ловкачи Каира, молодцы Ирака и искусники стран персидских! Зурейк–рыбак повесил кошель на своей лавке, и если тот, кто притязает на хитрость, возьмет кошель, он ему достанется!" И приходят молодцы, люди жадные, и хотят взять кошель, но не могут, так как Зурейк кладет себе под ноги свинцовые лепешки, когда жарит и зажигает огонь, и если приходит жадный, чтобы его отвлечь и взять кошель, он бросает в него свинцовой лепешкой и губит его или убивает. И если ты пойдешь против него, о Ал", ты будешь как тот, что бьет себя по щекам на похоронах, а сам не знает, кто умер. Нет у тебя силы бороться с ним, и он тебе страшен. Не нужно тебе жениться на Зейнаб – кто что–нибудь оставит, и без этого проживет".

"Это позор, о люди, – сказал Али, – и мне непременно нужно забрать кошель. Но подайте мне женскую одежду".

И ему принесли женскую одежду, и он надел ее, и выкрасил руки хеной и опустил покрывало, а потом он зарезал барашка, собрал кровь, вынул кишки, вычистил их и связал снизу, и наполнил кровью и привязал себе па бедра, а поверх них надел штаны и башмаки.

И он сделал себе груди из птичьих зобов и наполнил их молоком, и повязал на живот немного материи, а между животом и материей он положил хлопка и повязал сверху салфетку, всю прокрахмаленную, и всякий, кто видел его, говорил: "Как прекрасна эта задница!"

И вдруг подошел ослятник, и Али дал ему динар, и ослятник посадил его и поехал с ним в сторону лавки Зурейка–рыбника, и Али увидел, что кошель повешен и из него виднеется золото.

А Зурейка жарил рыбу, и Али сказал: "О ослятник, что это за запах?" "Запах рыбы Зурейка", – ответил ослятник. И Али сказал: "Я женщина беременная, и этот запах мне вредит. Принеси мне от него кусочек рыбы". И ослятник сказал Зурейку: "Ты уже стал обдавать своим запахом беременных женщин! Со мной жена эмира Хасана Шарр–ат–Тарика, и она почувствовала этот запах, а она беременна; дай ей кусок рыбы – плод пошевелился у нее в животе. О покровитель, избавь нас от этого дня!"

Зурейк взял кусок рыбы и хотел его изжарить, но огонь потух, и Зурейк вошел, чтобы зажечь огонь. А Али сидел на осле, и о я оперся на кишки и прорвал их, и кровь потекла у него между ногами, а Али закричал: "Ах, мой бок, моя спина!"

И ослятник обернулся и увидел, что льется кровь, и спросил: "Что с тобой, о госпожа?" И Али в облике женщины ответил: "Я выкинула плод". И Зурейк выглянул и увидел кровь и убежал в лавку, испугавшись. И ослятник сказал ему: "Аллах да смутит твою жизнь, о Зурейк! Эта женщина выкинула плод, и ты ничего не можешь сделать против ее мужа. Зачем ты обдал ее твоим запахом? Я говорю тебе: дай ей кусок рыбы, а ты не хочешь".

И потом ослятник взял осла и ушел своей дорогой, а когда Зурейк убежал в лавку, Али каирский протянул руку к мешку, по едва он достал до него, золото, бывшее в нем, забренчало, и зазвенели колокольчики, и погремешки, и кольца. И Зурейк воскликнул: "Проявился твой обман, о мерзавец! Ты строишь мне штуки, будучи в образе женщины! На, возьми то, что пришло к тебе!" И он бросил в него свинцовой лепешкой. Но удар пропал напрасно и угодил в другого, и люди напали на Зурейка и стали ему говорить: "Ты торговец или боец? Если ты

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

торговец, сними мешок и избавь людей от твоего зла". – "Во имя Аллаха! Слушаюсь!" – сказал Зурейк.

А что до Али, то он пришел в казарму, и Шуман спросил его: "Что же ты сделал?" И Али рассказал ему обо всем, что с ним произошло, а потом он снял женскую одежду и сказал: "О Шуман, принеси мне одежду конюха". И Шуман принес ему одежду, и Али взял ее и надел, а потом он взял блюдо и пять дирхемов и отправился к Зурейку–рыбняку. "Что ты потребуешь, о господин?" – спросил Зурейк; и Али показал ему дирхемы в руке, и Зурейк хотел дать ему рыбы, которая лежала на стойке, но Али сказал ему: "Я возьму только горячей рыбы".

И Зурейк положил рыбу на сковородку и хотел ее изжарить, но огонь потух, и Зурейк пошел, чтобы зажечь его, и тогда Али каирский протянул руку, желая взять кошель, и коснулся его кончика, и погремушки, кольца и колокольчики забренчали, и Зурейк воскликнул: "Твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришел в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот пятнадцатая ночь

Когда же настала семьсот пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Али каирский протянул руку, чтобы взять кошель, колокольчики и кольца забренчали, и Зурейк сказал ему: "Твоя штука со мной не удалась, хоть ты и пришел в образе конюха. Я узнал тебя по тому, как ты держал в руке деньги и блюдо".

И он бросил в него свинцовой лепешкой, но Али–каирец увернулся от нее, и она попала прямо в сковороду, полную горячего масла. И сковорода разбилась, и масло полилось с нее на плечо кади, когда он проходил мимо, и все попало ему за пазуху и достигло его срамоты. И кади закричал: "О, моя срамота! Как это скверно, о несчастный! Кто сделал со мной такое дело?" И люди сказали ему: "О владыка наш, это маленький мальчик бросил камень, и он попал в сковороду, и то, что отразил Аллах, было бы ужаснее".

И потом они осмотрели и увидели, что это свинцовая лепешка и что бросил ее не кто иной, как Зурейк–рыбник, и напали на него и сказали: "Это не дозволено Аллахом, о Зурейк! Сними мешок! Так будет для тебя лучше!" – "Если захочет Аллах, я сниму его", – сказал Зурейк.

Что же касается Али каирского, то он пошел в казарму и вошел к людям, и те спросили его: "Где мешок?" И Али рассказал им обо всем, что с ним случилось. И они сказали: "Ты погубил уж две трети его ловкости".

И Али снял то, что на нем было, и надел одежду купца и вышел и увидел змеелова, у которого был мешок со змеями и сумка, где лежали его принадлежности.

"О змеелов, – сказал ему Али, – я хочу, чтобы ты позабавил моих детей и получил награду", – а потом он привел его в казарму и накормил и одурманил банджем и оделся в его одежду и пошел к Зурейку–рыбнику.

И он подошел к нему и стал дудеть в дудку, и Зурейк сказал ему: "Аллах тебя наделит!" И вдруг Али вынул змей и бросил их перед ним. А Зурейк боялся змей, и он убежал от них в лавку, и тогда Али взял змей и положил их в мешок и протянул руку к кошелю, но когда он достал до его кончика, кольца, звонки и погремушки забренчали, и Зурейк воскликнул: "Ты все еще строишь мне штуки и даже сделался змееловом!" И он бросил в Али свинцовой лепешкой. А тут проходил один военный, за которым шел его конюх, и лепешка попала конюху в голову и повалила его. И военный спросил: "Кто повалил его?" И люди сказали: "Это камень упал с крыши". И военный ушел, а люди осмотрелись и увидели свинцовую лепешку и напали на Зурейка, говоря ему: "Сними мешок!" И Зурейк сказал им: "Если захочет Аллах, я сниму его сегодня вечером".

И Али до тех пор играл с ним штуки, пока не устроил семь плутней, но так и не взял мешка. И он вернул змеелову его одежду и принадлежности и дал ему награду, а потом возвратился к лавке Зурейка и услышал, как тот говорил: "Если я оставлю кошель на ночь в лавке, ловкач просверлит стену и возьмет его. Я лучше заберу кошель с собой домой".

Зурейк поднялся и вышел из лавки и, сняв мешок, положил его за пазуху, и Али следовал за ним, пока не приблизился к его дому.

И Зурейк увидел, что у его соседа свадьба, и сказал про себя: "Пойду домой, отдам жене кошель и оденусь, а потом вернусь на свадьбу". И он пошел, а Али последовал за ним.

А Зурейк был женат на черной рабыне из отпущенниц везира Джафара, и ему достался от нее сын, которого он назвал Абд–Аллах, и он обещал жене, что на деньги из того мешка он справит обрезание мальчика и женит его и истратит их на его свадьбу.

И Зурейк вошел к своей жене с нахмуренным лицом, и она спросила его: "В чем причина твоей хмурости?" И Зурейк ответил: "Испытал меня владыка наш ловкачом, который устроил со мной семь плутней, чтобы взять кошель, но не смог его взять". – "Поддай сюда, я его припрячу для свадьбы мальчика", – сказала жена Зурейку. И тот дал ей кошель, а что касается Али каирского, то он спрятался в одном месте и мог все это слышать и видеть.

И Зурейк поднялся и снял то, что на нем было, надел другую одежду и сказал своей жене: "Береги кошель, о Умм Абд–Аллах, а я пойду на свадьбу". – "Поспи немножко", – сказала ему жена. И Зурейк лег, и тогда Али поднялся и прошел на концах пальцев, и взял кошель, и отправился к тому дому, где была свадьба, и остановился и стал смотреть.

А Зурейк увидел во сне, что кошель схватила птица, и проснулся, испуганный, и сказал Умм Абд–Аллах: "Встань, посмотри, где кошель!" И женщина поднялась посмотреть и не нашла его. И она стала бить себя по лицу и воскликнула: "О, как черно твое счастье, Умм АбдАллах! Ловкач взял кошель!"

И Зурейк вскричал: "Клянусь Аллахом, его взял только ловкач Али, и никто другой не взял мешка! Я непременно его принесу!" – "Если ты не принесешь мешка, – сказала ему жена, – я запру перед тобой ворота и оставлю тебя ночевать на улице!"

И Зурейк подошел к дому, где была свадьба, и увидел что ловкач Али смотрит, и сказал про себя: "Вот кто взял кошель! Но он живет в казарме Ахмеда–ад–Данафа".

И Зурейк пришел раньше Али к казарме и поднялся на крышу и спустился вниз в казарму и увидел, что люди спят. И вдруг подошел Али и постучал в ворота, и Зурейк спросил: "Кто у ворот?" – "Али каирский", – ответил Али. И Зурейк спросил: "Ты принес кошель?"

И Али подумал, что это Шуман, и сказал: "Я его принес, отпри ворота!" И Зурейк ответил: "Мне нельзя тебе отпереть, пока я его не увижу, потому что мы с твоим старшим побились об заклад". – "Протяни руку", сказал Али, и Зурейк протянул руку через боковое отверстие в воротах, и Али дал ему мешок, и Зурейк взял его и вышел через то место, куда вошел, и отправился на свадьбу.

Что же касается Али, то он продолжал стоять у ворот, по никто ему не отпирал. И тогда он стукнул в ворота устрашающим стуком, и люди очнулись и сказали: "Это стук Али каирского". И надсмотрщик отпер ему ворота и спросил: "Ты принес мешок?" И Али воскликнул: "Довольно шуток, Шуман! Разве я не подал тебе мешок через боковое отверстие в воротах? И ты мне еще сказал: "Клянусь, что не отопру тебе ворота, пока ты не покажешь мне мешка!" – "Клянусь Аллахом, я его не брал, и это Зурейк взял его у тебя!" – сказал ему Шуман. И Али воскликнул: "Я непременно его принесу!" И потом Али каирский вышел и пошел на свадьбу и услышал, как шут говорит: "Подарок, о Абу–Абд–Аллах! Исход будет счастливым для твоего сына!" И тогда Али воскликнул: "Я обладатель счастья!" – и пошел к дому Зурейка и влез на крышу дома и спустился внутрь и увидел, что невольница, жена Зурейка, спит. И он одурманил ее банджем и оделся в ее одежду и, взяв ребенка на руки, стал ходить и искать, и увидел корзину с печеньем от праздника, которое осталось по скупости Зурейка.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А Зурейк подошел к дому и постучал в ворота, и ловкач Али откликнулся, притворяясь, будто он невольница, и спросил: "Кто у ворот?" "Абу-Абд-Аллах", – ответил Зурейк. И Али сказал: "Я поклялась, что не отопру тебе ворот, пока ты не принесешь мешка". – "Я принес его", – сказал Зурейк. А Али крикнул: "Подай его, раньше чем я отопру ворота". "Спусти корзину и прими в нее мешок", – сказал Зурейк. И Али спустил корзину, и Зурейк положил в нее мешок, а потом ловкач взял его и одурманил ребенка банджем и разбудил невольницу.

И он вышел через то же место, куда вошел, и отправился в казарму и, войдя к людям, показал им мешок и ребенка, который был с ним, и люди похвалили его, и он отдал им печенье, и они его съели.

"О Шуман, – сказал Али, – этот ребенок – сын Зурейка, спрячь его у себя". И Шуман взял ребенка и спрятал его, а потом он принес барана и зарезал его и отдал его надсмотрщику, а тот изжарил барана целиком и завернул его в саван и придал ему вид мертвеца.

Что же касается Зурейка, то он все стоял у ворот, а потом он стукнул в ворота устрашающим стуком, и невольница спросила его: "Принес ты мешок?" – "А разве ты не взяла его в корзину, которую спустила?" – спросил Зурейк, и невольница ответила: "Я не спускала корзины, не видала мешка и не брала его!" – "Клянусь Аллахом, ловкач Али опередил меня и взял его!" – воскликнул Зурейк, и он посмотрел в доме и увидел, что печенье пропало и ребенок исчез.

И Зурейк закричал: "Увы, мой ребенок!" А невольница стала бить себя в грудь и воскликнула: "Я пойду с тобой к везиру. Никто не убил моего ребенка, кроме ловкача, который устраивает с тобой штуки, и это случилось изза тебя!" – "Я ручаюсь, что принесу его!" – воскликнул Зурейк.

И потом Зурейк вышел, обвязав себе шею платком, и пошел в казарму Ахмеда-ад-Данафа и постучал в ворота; и надсмотрщик отпер ему, и он вошел к людям. "Что привело тебя?" – спросил Шуман. И Зурейк сказал: "Вы – ходатаи перед Али каирским, чтобы он отдал мне моего ребенка, и тогда я уступлю ему тот мешок с золотом". – "Аллах да встретит тебя, о Али, воздаянием! – воскликнул Шуман. – Почему ты не сказал мне, что это его сын?" – "Что с ним случилось?" – спросил Зурейк. "Мы кормили его изюмом, и он подавился и умер. Вот он", – сказал Шуман. И Зурейк воскликнул: "Увы, мой ребенок! Что я скажу его матери?" И он поднялся и развернул саван, и увидел, что в нем баранья туша, и воскликнул: "Ты взволновал меня, о Али!" Потом ему отдали его сына, и Ахмед-ад-Данаф сказал: "Ты повесил мешок, чтобы всякий, кто ловкач, взял его, и если ловкач его возьмет, он станет его собственностью, – и вот он стал собственностью Али каирского". – "Я дарю ему мешок", – сказал Зурейк. И Али-Зейбак каирский сказал ему: "Прими его ради твоей племянницы Зейнаб". – "Я принял его", – ответил Зурейк. И ему сказали: "Мы сватаем ее за Али каирского". – "Я властен над нею только добром", – сказал Зурейк. И потом он взял своего сына и забрал мешок, и Шуман спросил его: "Принимаешь ли ты от нас сватовство?" – "Я приму его от того, кто может добыть ее приданое", – сказал Зурейк. "А каково ее приданое?" – спросил Шуман. И Зурейк сказал: "Она поклялась, что никто не сядет ей на грудь, кроме того, кто принесет ей одежду Камар, дочери Азры еврея, и венец, и кушак, и золотые башмачки, и остальные ее вещи..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот шестнадцатая ночь

Когда же настала семьсот шестнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Зурейк сказал Шуману: "Зейнаб поклялась, что никто не сядет ей на грудь, кроме того, кто принесет ей одежду Камар, дочери Азры еврея, и венец, и кушак, и золотые башмачки". И Али каирский воскликнул: "Если я не принесу ей одежду сегодня вечером, нет у меня права на сватовство!" сыграешь с ней штуку".

"О Али, ты умрешь, если сказал Шуман. И Али спросил его: "А что этому за причина?" И ему сказали: "Азра – еврей-колдун и злокозненный обманщик, который заставляет служить себе джиннов, и у него есть дворец вне города, в стенах которого один кирпич золотой, а другой серебряный, и этот дворец виден людям, пока Азра там сидит, а когда он из него выходит, дворец скрывается. Азре досталась дочь по имени Камар, и он принес ей ту одежду из сокровищницы, и он кладет одежду на золотое блюдо и открывает окна дворца и кричит: "Где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Всякому, кто возьмет эту одежду, она будет принадлежать!" И пытались играть с ним штуки все молодцы, но не могли взять эту одежду, и он заколдовал их и обратил в обезьян и ослов".

"Я непременно возьму ее, и Зейнаб, дочь ДалилыХитрицы, будет в ней показываться!" – воскликнул Али. И затем он отправился к лавке еврея и увидел, что он сердитый и грубый и что перед ним весы и разновески, и золото, и серебро, и ящички, а подле него он увидел мула.

И еврей поднялся и запер лавку и сложил золото и серебро в два кошелька, и кошельки он положил в мешок, а мешок взвалил на мула и сел и поехал, и ехал до тех пор, пока не выехал за город; и Али каирский шел сзади него, а он не знал этого.

И потом еврей вынул землю из мешка, бывшего у него за пазухой, и поколдовал над нею и развеял ее в воздухе, и ловкач Али увидел дворец, которому нет равного, а затем мул с евреем стали подниматься по лестнице, и вдруг оказалось, что этот мул – дух, которого еврей заставляет себе служить.

И он снял с мула мешок, и мул ушел и скрылся, а еврей остался сидеть во дворце, и Али смотрел, что он делает. И еврей принес золотую трость и повесил на нее золотое блюдо на золотых цепочках и положил одежду на блюдо, и Али увидел ее из-за дверей.

И еврей закричал: "Где ловкачи Египта, молодцы из Ирака и искусники персов? Кто возьмет эту одежду своей ловкостью, тому она будет принадлежать!" А после того он поколдовал, и легла перед ним скатерть с кушаньями.

И еврей поел, а потом скатерть исчезла сама собой, и Азра поколдовал еще раз, и легла перед ним скатерть с вином, и он стал пить. И Али сказал себе: "Ты сумеешь взять эту одежду, только пока он напивается!" И Али подошел к еврею сзади и вытащил свой стальной меч и взял его в руку, и еврей обернулся и поколдовал и сказал руке Али: "Остановись с мечом!" И его рука остановилась с мечом в воздухе. И Али протянул левую руку, и она тоже остановилась в воздухе, и его правая нога тоже, и он остался стоять на одной ноге; а потом еврей снял с него чары, и Али каирский снова стал таким же, как раньше.

И еврей погадал на доске с песком, и вышло, что имя этого человека Али-Зейбак каирский, и Азра обратился к нему и сказал: "Пойди сюда! Кто ты и каково твое дело?" – "Я Али каирский, молодец Ахмеда-ад-Данафа, ответил Али. – Я посватался к Зейнаб, дочери ДалилыХитрицы, и они назначили ей с меня в приданое одежду твоей дочери. Отдай мне ее, если хочешь спастись, и стань мусульманином". "После твоей смерти! – сказал еврей, Много людей строили со мной штуки, чтобы взять эту одежду, но не смогли ее у меня взять. Если ты примешь добрый совет, спасайся сам. Они потребовали от тебя эту одежду, только чтобы погубить тебя, и если бы я не увидел, что твое счастье превосходит мое счастье, я бы, наверное, скинул тебе голову".

И Али обрадовался, что еврей увидел, что счастье Али превосходит его счастье, и сказал: "Я непременно должен взять одежду, и ты станешь мусульманином". – "Таково твое желание, и это неизбежно?" – спросил еврей. И Али ответил: "Да!" И тогда еврей взял чашку и наполнил ее водой и поколдовал над ней и сказал: "Выйди из образа человеческого и прими облик осла!"

И он обрызгал Али этой водой, и Али сделался ослом с копытами и длинными ушами и стал реветь, как осел. А потом еврей провел вокруг Али круг, который стал для него стеной, а сам пил до утра, а утром он сказал Али: "Я поеду на тебе и дам мулу отдохнуть".

И еврей положил одежду, блюдо, трость и цепочки в шкафчик и вышел и поколдовал над ослом, и Али последовал за ним, и еврей положил на спину Али мешок и сел на него, а дворец скрылся с глаз.

И Али шел, и еврей ехал на нем, пока не слез около своей лавки, и тогда он опорожнил кошелек с золотом и кошелек с серебром и высыпал деньги в ящички, которые стояли перед ним, а Али был привязан в образе осла, и он слышал и понимал, но не мог говорить.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И вдруг подошел сын одного купца, которого обидело время, и он не нашел для себя ремесла легче ремесла водоноса, и тогда он взял браслеты своей жены и пришел к еврей и сказал ему: "Дай мне такую цену за эти браслеты, чтобы я мог купить осла". – "Что ты будешь на нем возить?" спросил еврей. И сын купца сказал: "О мастер, я наполню бурдюк водой из реки и буду кормиться тем, что выручу". – "Возьми меня этого осла", сказал еврей. И сын купца продал ему браслеты и на часть их цены купил осла, и еврей вернул ему остальное, и сын купца пошел с Али каирским, который был заколдован в образе осла, к себе домой.

И Али сказал про себя: "Когда ослытник положит на тебя доску и бурдюк и сделает на тебе десять поездок, он лишит тебя здоровья, и ты умрешь".

Жена водоноса подошла, чтобы положить Али корму, и вдруг он ударил ее головой так, что она опрокинулась та спину, и прыгнул на нее и, ударив ее ртом по голове, опустил то, что оставил ему отец. И женщина закричала, и прибежали к ней соседи и побили Али и стащили его с ее груди.

И тут ее муж, который хотел сделаться водоносом, пришел домой, и его жена сказала ему: "Либо ты со мной разведешься, либо вернешь осла его владельцу". – "Что случилось?" – спросил водонос. И жена его сказала: "Это сатана в образе осла. Он прыгнул на меня, и если бы соседи не стащили его с моей груди, он бы, наверное, сделал со мной дурное". И ее муж взял Али и пошел к еврей, и когда тот спросил его: "Почему ты привел осла обратно?", водонос ответил: "Он сделал с моей женой дурное дело".

И еврей отдал водоносу его деньги, и тот ушел. А что касается еврея, то он обратился к Али и сказал ему: "Значит, тыходишь в ворота козней, о злосчастный, так что он даже вернул мне тебя..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот семнадцатая ночь

Когда же настала семьсот семнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что еврей, когда водонос вернул ему осла, отдал ему его деньги и, обратившись к Али каирскому, сказал:

"Значит, тыходишь в ворота козней, о злосчастный, так что он даже вернул мне тебя? Но раз тебе не угодно быть ослом, я тебя сделаю забавой для больших и малых!"

И он взял осла и сел на него и выехал за город и, вынув из-за пазухи пепел, поколдовал над ним и развеял его в воздухе, и вдруг появился дворец.

И еврей вошел во дворец и, сняв мешок со спины осла, вынул оба кошелька с деньгами и вынул трость и повесил на нее блюдо с одеждой, а потом закричал, как кричал каждый день: "Где молодцы из всех стран? Кто может взять эту одежду?"

И он поколдовал, как раньше, и встала перед ним трапеза, и он поел и поколдовал, и появилось перед ним вино, и он напился. И потом он вынул чашку с водой и поколдовал над ней, и брызнул ею на осла, и сказал ему: "Обратись из этого облика в твой прежний облик!" И Али снова стал человеком, как прежде. "О Али, – сказал ему еврей, – прими добрый совет и избавься от моего зла! Нет тебе нужды жениться на Зейнаб и добиваться одежды моей дочери. Она достанется тебе не легко, и оставить жадность для тебя будет лучше. А если пет, я заколдую тебя и превращу в медведя или обезьяну или отдам во власть духу, который закинет тебя за гору Каф". – "О Азра, – сказал Ади, – я обязался взять одежду, и взять ее неизбежно, и ты примешь ислам, а не то я тебя убью". – "О Али, – сказал еврей, – ты как орех: если он не разобьется, его не съест". И он взял чашку с водой и поколдовал над ней и обрызгал водой Али и сказал: "Будь в образе медведя!" И Али тотчас же превратился в медведя, и еврей надел ему ошейник и связал ему рот и вбил для него железный кол, и стал есть и бросал ему кое-какие куски и выливал ему остатки из чашки.

А когда наступило утро, еврей встал и взял блюдо и одежду и поколдовал над медведем, и тот пошел за ним в лавку, и еврей сел в лавке и высыпал золото и серебро в ящик и привязал в лавке цепь, которая была у медведя на шее, и Али слышал и разумел, но не мог говорить.

И вдруг пришел к еврей в лавку один купец и спросил: "О мастер, не продашь ли ты мне этого медведя? У меня есть жена, дочь моего дяди, и ей прописали поесть медвежьего мяса и намазаться его жиром".

И еврей обрадовался и сказал про себя: "Продам его, чтобы купец его зарезал, и мы от него избавились!" А Али про себя воскликнул: "Клянусь Аллахом, этот человек хочет меня зарезать, и освобождение – от Аллаха". – "Он будет тебе от меня подарком", – сказал еврей. И купец взял медведя и прошел с ним мимо мясника и сказал ему: "Возьми свои принадлежности и ступай со мной!" И мясник взял ножи и последовал за ним.

И потом мясник подошел к Али и привязал его и начал точить ножи и хотел его зарезать. И когда Али каирский увидел, что мясник к нему направился, он побежал от него и полетел между небом и землей и летел до тех пор, пока не опустился во дворе у еврея.

А причиной этого было то, что еврей отправился во дворец после того, как отдал купцу медведя, и его дочь стала его спрашивать, и он рассказал ей обо всем, что произошло, и тогда она сказала: "Призови духа и спроси его про Али каирского: он ли это, или другой человек устраивает штуки?" И еврей поколдовал и призвал духа и спросил его: "Это Али каирский или другой человек устраивает штуки?" И дух похитил Али и принес его и сказал: "Вот Али каирский, он самый. Мясник связал его и наточил нож и хотел начать его резать, но я схватил его, когда он был перед ним, и принес".

И еврей взял чашку с водой и поколдовал над нею и обрызгал из чашки Али и сказал: "Вернись к твоему человеческому образу!" И Али снова стал таким, каким был раньше.

И увидела Камар, дочь еврея, что это красивый юноша, и любовь к нему запала ей в сердце, а любовь к ней запала ему в сердце, и Камар спросила его: "О злосчастный, зачем ты ищешь моей одежды и мой отец делает с тобой такие дела?" – "Я обязался взять ее для Зейнабмошеницы, чтобы на ней жениться", – ответил Али. И Камар сказала: "Другие тоже играли с моим отцом штуки, чтобы захватить мою одежду, но не могли овладеть ею. Оставь жадность", – сказала она потом. И Али молвил: "Мне неизбежно взять эту одежду, и твой отец примет ислам, а не то я его убью". – "Посмотри, дочка, на этого злосчастного, как он ищет своей гибели!" – воскликнул отец Камар. И потом он сказал: "Я превращу тебя в собаку!" И он взял чашку с надписями, в которой была вода, и поколдовал над нею и обрызгал водой Али и сказал: "Будь в образе собаки!" И Али стал собакой, а еврей со своей дочерью пили до утра.

А потом он поднялся и, взяв одежду и блюдо, сел на мула и поколдовал над собакой, и та последовала за ним, и другие собаки стали на нее лаять.

И еврей прошел мимо лавки старьевщика, и старьевщик вышел и прогнал от Али собак, и Али лег перед ним, а еврей осмотрелся и не нашел его. И старьевщик поднялся и вышел из лавки и пошел домой, и пес последовал за ним; и когда старьевщик вошел в свой дом, дочь старьевщика посмотрела и увидела собаку и закрыла себе лицо, говоря: "О батюшка, ты приводишь чужого мужчину и вводишь его к нам". – "О дочка, это собака", – сказал старьевщик. И его дочь молвила: "Это Али каирский, которого заколдовал еврей". И старьевщик обернулся к Али и спросил его: "Ты Али каирский?" И Али сделал ему знак головой: да! Тогда отец девушки спросил ее: "Почему еврей заколдовал его?" И она сказала: "Из-за одежды его дочери Камар, и я могу его освободить". – "Если в этом благо, то теперь время для него!" – воскликнул старьевщик. И его дочь сказала: "Если он на мне женится, я его освобожу". И Али сказал ей головой: да. И тогда она взяла чашку с надписями и поколдовала над нею, и вдруг раздался великий крик, и чашка упала у нее из рук. И девушка обернулась и увидела, что это кричала невольница ее отца, и та сказала ей: "О госпожа моя, разве таков был уговор между мною и тобою? Никто не научил тебя этому

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

искусству, кроме меня, и ты со мной сговорилась, что ничего не будешь делать, не посоветовавшись со мною, и что тот, кто женится на тебе, женится на мне, и будет ночь тебе и ночь – мне". – "Да", – сказала девушка. И когда старьевщик услышал от невольницы такие слова, он спросил свою дочь: "А кто научил эту невольницу?" – "О батюшка, – ответила его дочь, – она научила меня: спроси се, кто ее научил".

И старьевщик спросил невольницу, и она сказала ему: "Знай, о господин мой, что, когда я была у еврея Азры, я подслушивала, как он произносил заклинания, а когда он уходил в лавку, я открывала книги и читала их, так что узнала науку о духах. И в один из дней еврей напился и позвал меня на ложе, и я отказалась и сказала: "Я не дам тебе этого сделать, пока ты не примешь ислам". И он отказался, и я сказала ему: "На рынок султана!" И он продал меня тебе, и я пришла к тебе в дом и научила мою госпожу и поставила ей условие, что она не будет ничего такого делать, не посоветовавшись со мной, и что тот, кто женится на ней, женится и на мне, и будет ночь мне и ночь ей".

И невольница взяла чашку с водой и поколдовала над ней, и обрызгала из нее пса и сказала ему: "Возвратись к твоему человеческому образу!" И Али снова стал человеком, как был. И старьевщик пожелал ему мира и спросил, почему его заколдовали, и Али рассказал ему обо всем, что ему выпало..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот восемнадцатая ночь

Когда же настала семьсот восемнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старьевщик пожелал Али каирскому мира и спросил его, почему его заколдовали и что ему выпало, и Али рассказал ему все, что случилось.

"Достаточно тебе будет моей дочери и невольницы?" – спросил его старьевщик. И Али ответил: "Неизбежно взять Зейнаб". И вдруг кто-то постучал в дверь. "Кто у дверей?" – спросила невольница. И Камар, дочь еврея, спросила: "У вас ли Али каирский?" И дочь старьевщика спросила ее: "О дочь еврея, если Али каирский у нас, что ты с ним сделаешь? Спустишь, о невольница, открой ей дверь".

И невольница открыла ей ворота, и Камар вошла и увидела Али, и когда Али увидел ее, он воскликнул: "Что привело тебя, о дочь пса?" И Камар сказала: "Я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед – посол Аллаха". И она приняла ислам и спросила Али: "Мужчины ли, по вере ислама, дают приданое женщинам, или женщины дают приданое мужчинам?" И Али ответил ей: "Мужчины дают приданое женщинам". И тогда она сказала: "А я пришла, чтобы дать тебе за себя в приданое одежду, трость, и цепочки, и голову моего отца – твоего врага и врага Аллаха".

И она бросила перед ним голову своего отца и воскликнула: "Вот голова моего отца – твоего врага и врага Аллаха!"

А причиной убийства ею своего отца было то, что, когда еврей превратил Али в пса, она увидела во сне говорящего, который говорил ей: "Прими ислам!" И она приняла ислам, а проснувшись, предложила ислам своему отцу, но тот отказался; и когда он отказался принять ислам, Камар одурманила его банджем и убила.

И Али взял вещи и сказал старьевщику: "Завтра мы встретимся у халифа, чтобы я женился на твоей дочери и на невольнице". И он вышел, радуясь, и направился в казарму, неся с собой вещи. И вдруг он увидел продавца сладостями, который бил рукой об руку и восклицал: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Труд людей стал беззаконием и идет только на подделку. Прошу тебя, ради Аллаха, попробуй этих гадостей!" И Али взял у него кусочек и съел его, и вдруг в нем оказался бандж. И торговец одурманил Али, и взял у него одежду, трость и цепочки, и положил их в сундук со сладостями, и пошел. И вдруг один кади закричал ему и сказал: "Подойди, эй торговец!" И торговец остановился и поставил подставку, на которой стоял поднос, и спросил: "Что ты потребуешь?" – "Халвы и конфет, – сказал кади, и потом он взял немного халвы в руку и сказал: эта халва и конфеты с примесью".

И кади вынул из-за пазухи кусок халвы и сказал торговцу: "Посмотри, как прекрасно она приготовлена! Поешь ее и сделай такую же!" Торговец взял халву и съел ее, и вдруг в ней оказался бандж, и кади одурманил торговца и взял подставку, и сундук, и одежду, и другое.

И он положил торговца внутрь подставки, и понес все это, и отправился в казарму, где жил Ахмед-ад-Данаф.

А этот кади был Хасан-Шуман, и причиной всего этого было вот что. Когда Али обязался взять одежду и вышел ее искать, никто не услышал про него вестей, и Ахмед-ад-Данаф сказал: "О молодцы, выходите, ищите вашего брата Али каирского!"

И они вышли и стали искать его в городе; и ХасанШуман тоже вышел в облике кади, и встретил того торговца сладостями и узнал, что это Ахмед-аль-Лакит.

И он одурманил его банджем и взял его вместе с одеждой и пошел с ним в казарму, а что касается тех сорока, то они ходили, ища Али, по улицам города.

Али-Катф-аль-Джамаль отделился от своих товарищей и увидел толпу и направился к столпившимся людям и заметил среди них Али каирского, который был одурманен банджем. И Али-Катф-аль-Джамаль разбудил Али каирского после банджа, и Али, очнувшись, увидел, что около него собрались люди.

"Приди в себя", – сказал Али-Катф-аль-Джамаль. И Али спросил: "Где я?" И Али-Катф-аль-Джамаль и его люди ответили: "Мы увидели тебя одурманенным и не знаем, кто тебя одурманил?" – "Меня одурманил один торговец сладостями и взял вещи. Но куда он ушел?" – спросил Али. И ему ответили: "Мы никого не видали, но пойдем с нами в казарму".

И они отправились в казарму и вошли и увидели Ахмеда-ад-Данафа, и тот приветствовал их и спросил: "О Али, принес ты одежду?" – "Я нес и ее и другое и нес голову еврея, – ответил Али, – но меня встретил торговец сладостями и одурманил и взял у меня все это". И он рассказал Ахмеду обо всем, что случилось, и сказал: "Если бы я увидел этого торговца, я бы отплатил ему". И вдруг Хасан-Шуман вышел из одной комнаты и спросил: "Принес ли ты вещи, о Али?" – "Я нес их и нес голову еврея, но меня встретил торговец сладостями и одурманил меня и взял одежду и другое, и я не знаю, куда он ушел. Если бы я знал, где он, я бы ему насолил, – ответил Али. – Не знаешь ли ты, куда ушел этот торговец?" – "Я знаю, где он", – ответил Хасан, и затем он поднялся и открыл дверь в комнату, и Али увидел в ней торговца, одурманенного банджем.

И Али разбудил его после банджа, и он открыл глаза и увидел перед собой Али каирского, Ахмеда-ад-Данафа и сорок его приближенных и обмер и спросил: "Где я и кто схватил меня?" – "Это я тебя схватил", – сказал Шуман. И Али воскликнул: "О злокозненный, ты делаешь такие дела!" – и хотел зарезать торговца.

И Хасан-Шуман сказал ему: "Не поднимай руку, он стал твоим свойственником". И Али спросил: "Моим свойственником? Откуда?" И Хасан сказал ему: "Это Ахмедаль-Лакит, сын сестры Зейнаб". – "Почему же ты сделал все это, о Лакит?" – спросил его Али. И мальчик сказал: "Мне так приказала моя бабка Далила-Хитрица, и случилось это только потому, что Зурбейк-рыбник встретился с моей бабкой Далилой-Хитрицей и сказал ей: "Али каирский – ловкач редкой ловкости, и он неизбежно убьет еврея и принесет одежду". И тогда она позвала меня и спросила: "О Ахмед, знаешь ли ты Али каирского?" И я ответил: "Я его знаю и привел его к казарме Ахмеда-ад-Данафа". И тогда она сказала мне: "Пойди расставь ему твои сети, и если он принес вещи, сыграй с ним штуку и отбери у него вещи". И я пошел ходить по улицам города и увидел торговца сладостями и дал ему десять динаров и взял у него его одежду, сласти и принадлежности, и случилось то, что случилось".

И тогда Али каирский сказал Ахмеду-аль-Лакиту: "Пойди к твоей бабке и к Зурейку-рыбнику и осведоми их о том, что я принес вещи и голову еврея, и скажи им: "Завтра встречайте его в диване халифа и берите у него приданое Зейнаб!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Ахмед-ад-Данаф обрадовался этому и воскликнул: "Не обмануло меня твое воспитание, о Али!"

А когда наступило утро, Али каирский взял одежду, блюдо, трость, и золотые цепочки, и голову Азры еврея на дротике и отправился в диван со своим дядей и его молодцами, и они поцеловали землю меж рук халифа..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девятнадцатая ночь

Когда же настала семьсот девятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Али каирский пошел в диван вместе со своим дядей Ахмедом-ад-Данафом и его молодцами, они поцеловали землю меж рук халифа, и халиф посмотрел и увидел красивого юношу, доблестней которого не было среди мужей.

И он спросил про него людей, и Ахмед-ад-Данаф сказал ему: "О повелитель правоверных, это Али-Зейбак каирский, глава молодцов Египта, и он первый среди моих молодцов". И когда халиф увидел его, он его полюбил, так как увидел, что меж глаз у него блещет доблесть, свидетельствуя за него, а не против него.

И Али поднялся и бросил голову еврея перед халифом и сказал: "Твой враг таков, как этот, о повелитель правоверных!" – "Чья это голова?" спросил халиф. И Али ответил: "Голова Азры еврея"; и халиф спросил: "А кто убил его?"

И Али каирский рассказал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф сказал: "Я не думаю, чтобы ты убил его, так как он был колдун". – "О повелитель правоверных, дал мне власть мой господь убить его", – сказал Али.

И Халиф послал вали во дворец еврея, и тот увидел еврея без головы. И его положили в ящик и принесли к халифу, и тот велел его сжечь; и вдруг Камар, дочь еврея, пришла и поцеловала халифу руки и осведомила его, что она дочь Азры еврея и стала мусульманкой.

И она снова приняла ислам перед халифом и сказала ему: "Ты мой ходатай перед ловкачом Али-Зейбаком каирским, чтобы он женился на мне".

И она уполномочила халифа заключить ее брак с Али, и халиф подарил Али каирскому дворец еврея со всем, что в нем было, и сказал ему: "Пожелай чего-нибудь от тень!" – "Я желаю, – сказал Али, – чтобы я мог стоять на твоём ковре и есть с твоего стола". И халиф спросил его: "О Али, есть у тебя молодцы?" – "У меня сорок молодцов, но они в Каире", – ответил Али. И халиф сказал: "Пошли за ними, чтобы они пришли из Каира. О Али, спросил потом халиф, – а есть у тебя казарма?" И Али ответил: "Нет". И тогда Хасан-Шуман сказал: "Я дарю ему мою казарму с тем, что в ней есть, о повелитель правоверных!" – "Твоя казарма будет тебе, о Хасан", – сказал халиф и велел, чтобы казначей дал строителю десять тысяч динаров, и тот построил для Али казарму с четырьмя портиками и сорока комнатами для молодцов. "О Али, – спросил потом халиф, – осталась ли у тебя какая-нибудь просьба, которую мы прикажем для тебя исполнить?" Али ответил: "О царь времени, чтобы ты был ходатаем перед Далилой-Хитрицей и она выдала бы за меня свою дочь Зейнаб и взяла одежду дочери еврея и ее вещи за Зейнаб в приданое".

И Далила приняла ходатайство халифа и взяла блюдо, одежду, и трость, и золотые цепочки, и написала договор Зейнаб с Али, и написали также договор с ним дочь старьевщика, и невольница, и Камар, дочь еврея.

И халиф назначил Али жалованье и велел давать ему трапезу к обеду и трапезу к ужину, и довольствие, и кормовые, и наградные. И Али каирский начал приготовления к свадьбе, и прошел срок в тридцать дней, а потом Али каирский послал своим молодцам в Каир письмо, в котором упомянул, какое ему досталось у халифа уважение, и он говорил в письме: "Вы неизбежно должны явиться, чтобы застать свадьбу, так как я женюсь на четырех девушках".

И через небольшое время его сорок молодцов явились и застали свадьбу, и Али поселил их в казарме и оказал им величайшее уважение, а затем он представил их халифу, и халиф наградил их. И служанки стали показывать Али каирскому Зейнаб в той прекрасной одежде, и он вошел к ней и нашел ее жемчужиной несверленной и кобылицей, другими не объезженной, а после нее он вошел к трем другим девушкам и увидел, что они совершенны по красоте и прелести.

А потом случилось, что Али каирский бодрствовал у халифа в какую-то ночь, и халиф сказал ему: "Я имею желание, о Али, чтобы ты рассказал мне обо всем, что с тобой случилось, с начала до конца". И Али рассказал ему обо всем, что случилось у него с Далилой-Хитрицей, Зейнаб-мошенницей и Зурбйком-рыбником. И халиф приказал это записать и положить в казну царства. И записали все, что произошло с Али, и положили запись в числе рассказов о народе лучшего из людей. И затем все они жили в приятнейшей и сладостнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, а Аллах (велик он и славен!) лучше знает истину.